

Беседа 53 Жажду

После того Иисус, зная, что уже все совершилось, да сбудется Писание, говорит: жажду. Тут стоял сосуд, полный уксуса. Воины, напоив уксусом губку и наложив на иссоп, поднесли к устам Его

(Ин. 19, 28 - 29).

Некоторые из стоявших тут, услышав, говорили: вот, Илию зовут. А один побежал, наполнил губку уксусом и, наложив на трость, давал Ему пить, говоря: постойте, посмотрим, придет ли Илия снять Его

(Мк. 15,35 - 36).

Некоторые из стоявших там, слыша это, говорили: Илию зовут Он. И тотчас побежал один из них, взял губку, наполнил уксусом и, наложив на трость, давал Ему пить; а другие говорили: постой, посмотрим, придет ли Илия спасти Его

(Мф. 27, 47 - 49).

Последние минуты голгофского Страдальца приблизились. Он готовится предать дух Свой Отцу Небесному.

После того Иисус, зная, что уже все совершилось, да сбудется Писание, говорит: жажду.

Чудное величие духа среди мук смертных! Давно ли Страдалец свидетельствовал Сам, что жестокие страдания Его навели мрак на душу Его? И вот Он уже ясно видит Свое положение! Вот взор Его уже чист, в глубине души Его сияет успокоительный свет. Он уже знает, что дело Его на земле исполнено; остается кончить одно, сказать пред землю и небом: *жажду*, сказать и в исполнение предначертаний Отца Небесного и по нужде в последнем подкреплении. Любовь к Отцу Небесному торжествует: она окончила дело Его и остается покорною до конца своему положению, до конца совмещает покорность нуждам жизни с покорностью воле Отца Небесного.

Да сбудется Писание, говорит: жажду. В 21-м псалме Страдалец говорит: «язык мой прильпнул к устам», то есть от жгучей жажды. Но Спаситель имел теперь в виду преимущественно следующие слова Пророка; *и в жажду Мою напоиша Мя оцта* (Пс. 68, 22). В этом псалме изображается Страдалец, Который страдает без вины (ст. 5 — 6), страдает за славу Божию и за честь дома Божия (ст. 6 — 10); окончания страданий Его ожидают все благочестивые как своего счастья (ст. 7). Слова сего псалма, как прообразовательно-пророческого, многократно читаются в Новом Завете Ин. 2, 17; 15, 29; 19, 28 - 29; Деян. 1, 20; Рим. 11, 9 - 10; 15, 3). Страдалец говорит: *и даде в снедь Мою желчь и в жажду Мою напоиша Мя оцта*. Первая часть сего изречения исполнилась тогда, как давали Иисусу Христу омрачающую горечь, и Он не принял ее. Теперь Спаситель видит, что надобно исполнить остальное, и Он говорит: *жажду*. Он живет по заповедям и воле Отца Небесного и потому хочет в исполнение предначертаний воли Его быть напоен укусом.

Жажду, взывает голгофский Страдалец. И как было не чувствовать жажды? «Плоть, иссушенная множеством страданий, мучится от жажды» (святитель Кирилл Александрийский). Жажда должна была явиться уже и вследствие истощения сил, изнуренных гефсиманским подвигом, бичеванием, муками души, несением креста. Особенно же смертельная жажда являлась вследствие распятия на кресте. От прилива крови к голове и сердцу и от потери крови, текшей из ран, вся внутренность распятого пожираема была огнем; жизненные силы иссякали; язык и гортань становились сухими;

тоска мучительная просила какой-нибудь прохлады. В таком положении был Спаситель наш. В конце сорокадневного пустынного поста Он чувствовал голод. Теперь, в конце крестных страданий, томит Его жажда, жажда, которая всегда мучительнее голода. В пустыне Он долго не чувствовал голода, как бы не чувствуя телесности Своей. На кресте нужды тела сосредоточиваются в чувстве жажды, и жажда была последним телесным страданием голгофского Страдальца. Но с какою кротостью говорит Он о крайней нужде Своей плоти? Кому говорит Он: жажду? Римским воинам, тем, которые не только распяли Его, но и надругались над Ним. Этим людям, которые так несправедливы были к Нему, Он не показывает ни Своего гнева, ни недоверия; Он даже не просит: дайте Мне пить, но с надеждою на сострадание говорит только о Своей нужде.

Если же Спаситель в исполнении Писания говорит; *жажду*, то это уже дает видеть, что жажда Его не была одною телесною жаждой, а была вместе и жаждою духа. И мог ли Спаситель мира в последние минуты Свои не занят быть желаниями высшими? Если переносил Он все страдания Свои в молчании, то, конечно, не для одной нужды тела говорит Он: *жажду*. Чего же жаждал дух голгофского Страдальца? Предмет всех Его желаний — воля Отца Небесного. Воля Отца Небесного возжелала спасти человечество крестною смертью Сына, назначив в число страданий и жажду, прохлаждаемую уксусом, и Сын поспешает исполнить эту волю. *Моя пища есть творить волю Пославшего Меня и совершить дело Его*, говорил Он еще прежде креста (Ин. 4, 34). Он жаждал теперь дать Себя в снедь верующим: *Плоть Моя*, говорил Он, *истинно есть пища, и Кровь Моя истинно есть питье* (Ин. 6, 55). Он жаждал открыть людям источник жизни новой и спасительной, жаждал восходом Своим на небо открыть небо для ниспослания на землю живых вод Духа Утешителя. Он жаждал, чтобы скорее возгорелся в хладных сердцах человеческих огонь любви Божественной действием Небесного Утешителя (Лк. 12, 49), и для того-то ускоряет ход смертных страданий Своих.

Некоторые из стоявших тут, услышав, говорили: вот, Илия зовет. А один побежал, наполнил губку уксусом и, наложив на трость, давал Ему пить, говоря: стойте, посмотрим, придет ли Илия снять Его (Мк. 15, 35 — 36), *а другие говорили: стой, посмотрим, придет ли Илия спасти Его* (Мф. 27, 49). Так повествуют

святой Марк и Матфей. И самое повествование их дает видеть, что напоить голгофского Страдальца предстоявшие побуждены были жаждою Страдальца. А святой Иоанн и прямо говорит о сем желании Божественного Иисуса (19, 28 — 29).

Кто это те, которые говорили: *вот, Илию зовет?* Поскольку один из тех же людей подал питья Страдальцу, а подать что-нибудь распятому не дозволила бы никому римская стража, тогда как, по ясным словам святого Иоанна, у воинов стоял полный сосуд уксуса, из которого дали вкусить Божественному Страдальцу (Ин. 19, 29), то несомненно, что воины же говорили о Христе: *вот, Илию зовет.* Подтверждением сему служит и то, что воины, а не иудеи, могли не понять сиро-халдейских слов Спасителя к Отцу. У иудеев было мнение, что пред пришествием Христа должен явиться на земле великий пророк Илия, как слуга Мессии. Он и явился в лице Иоанна Предтечи, как объяснял Спаситель. Но книжники и фарисеи не узнали ни Мессии, ни Его Предтечи. Поскольку же мнение об Илии было общеизвестно между иудеями, то естественно, что знали о Нем и римские воины, находившиеся между иудеями. И это-то мнение высказывали они, когда говорили: *Илию зовет... посмотрим, придет ли Илия снять Его.* Бедные люди! Думая посмеяться над Иисусом, как бы над ложным Мессиею, смеялись только над самими собою; принимая воззвание к Отцу Небесному за воззвание к Илии, высказывали свое жалкое невежество.

Впрочем, и между этими людьми нашелся один, который поспешил исполнить долг сострадания, поспешил утолить жажду голгофского Страдальца. Правда, и он говорил при том: *постойте, посмотрим, придет ли Илия снять Его.* Но это была уступка малодушия возгласом грубой дерзости; воин говорил грубым товарищам: *постойте, подождем, пока придет Илия, и для того-то нужно подкрепить Его.* Но дело малодушия не уничтожило дело милосердия.

Святые Марк и Матфей говорят: *наполнил губку уксусом и, наложив на трость, давал Емунить.* По словам святого Иоанна губка возложена была на иссоп. Иссоп, трава необыкновенно горькая и дуплистая. Уксусная кислота, коснувшись иссопа, должна была принять в себя горечь иссопа. Но в таком виде она составляла подкрепляющее врачевство для Страждущего. Ствол восточного иссопа, достигающий в высоте до трех четвертей аршина, мог быть тростью, на которую возложена была напоенная уксусом губка.

Сострадательный воин хотел подкрепить Иисуса питьем хотя и не вкусным, но полезным для томящегося предсмертного жаждой.

Итак, вот что сделано было людьми для Господа Иисуса, когда говорил Он: *жажду*. Он томился ревностью исполнить волю Отца Небесного, Он в муках смертных жаждет скорее открыть потоки благодати для бедного человечества — а люди чем платят Ему?

После того прилично ли бедному грешнику негодовать на то, что пред ним иногда непризнательны бывают подобные ему люди и за заслуги, за благодеяния платят не добром, а злом? Ах! не тем надобно возмущаться нам. О том должны мы помнить, тем должны мы возмущаться, чем платим мы Господу за Его благодеяния к нам! Чем заняты сердца наши, которые должны гореть любовью к заповедям Его, спасительным для нас?! О! Любовь Божественная! Прости бесчувствие наше и нашу слепоту. Жаждою Твоею умоляем Тебя, погаси в сердцах наших жажду преступных наслаждений, возбуди, зажги в охладевших душах наших святую ревность к вечному спасению нашему, ту ревность об исполнении воли Отца Небесного, которую Ты желал и желаешь возжечь в нас. Без сего огня живительного, без сей жажды неба весьма жалкая участь ожидает нас в вечности! Аминь.

